

Гришаков Вячеслав Геннадьевич

"СМЕНА ВЕХ" В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает вопросы поиска новой методологии и оценок крестьянского движения в годы Гражданской войны в работах отечественных историков в постсоветское время. Автор характеризует плюсы и минусы "архивной революции", смены государственной идеологии. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформации взглядов отечественных историков на терминологию и причины крестьянского повстанчества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 33-37. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, «Опавшие листья» и «Уединенное» рассматриваются нами как вершинное произведение, в котором автор приходит к созданию новой «жанровой модели», синтезирующей образность художественной прозы, черты лирической поэзии, тематическую актуальность публицистики и концентрацию мысли, свойственную философии. Причем это не просто философские и художественные фрагменты, а особый стилизованный синтез философско-понятийных и эмоционально-образных средств.

Фрагментарный способ письма в последнее время становится особенно актуальным, и здесь несомненно влияние В. В. Розанова. Тенденция к построению текста, состоящего из фрагментов, но семантически являющегося целостным произведением, нашла свое отражение в последующей литературе. В 1960-е – 70-е годы появляются произведения «лирической прозы», художественную форму которых невозможно обозначить одним определением: воспоминания, заметки, мысли о жизни, о литературе, о себе, переплетаясь, образуют художественное целое, в той или иной степени восходящее к Розанову. Таким образом, В. В. Розанов является одним из немногих философов и писателей в русской культуре, кому удалось органично объединить в своем творчестве традиции XIX века и новаторство XX столетия.

Список литературы

1. Библихин В. В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 348 с.
2. Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. 443 с.
3. Карташова Е. П. Стилистика прозы В. В. Розанова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 46 с.
4. Кашина Н. А. Миф в текстах В. В. Розанова. Курск: КГУ им. Некрасова, 2008. 138 с.
5. Климова С. М. Проблема поэтики Достоевского – Розанова – Бахтина // Человек. 2004. № 3. С. 51-55.
6. Николюкин А. Н. В. В. Розанов: писатель нетрадиционного мышления. М.: Знание, 1990. 258 с.
7. Розанов В. В. Уединенное. М.: Лира, 1990. Т. 2. 395 с.
8. Федякин С. Р. Жанр «уединенного» в русской литературе XX в. М.: Молодая гвардия, 1995. 235 с.

“SECLUDED” AND “DEAD LEAVES” BY V. V. ROZANOV AS MODERN CULTURE PHILOSOPHY FORM

Evgeniya Ivanovna Gridneva
Department of Religious Studies
Elets State University named after I. A. Bunin
eigridneva@mail.ru

The author considers the stages of V. V. Rozanov's creative evolution and the features of philosophizing form, pays special attention to writing method, narration fragmentariness and the features of the synthesis of several artistic genres: artistic prose, political journalism and philosophy and characterizes V. V. Rozanov's innovative ideas and his place in philosophy and literature of the turn of the XIXth-XXth centuries.

Key words and phrases: culture philosophy; philosophizing form evolution; fragment; creativity originality; new type of philosophy; narration feature; crisis of traditional genres.

УДК 930.2

Статья раскрывает вопросы поиска новой методологии и оценок крестьянского движения в годы Гражданской войны в работах отечественных историков в постсоветское время. Автор характеризует плюсы и минусы «архивной революции», смены государственной идеологии. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформации взглядов отечественных историков на терминологию и причины крестьянского повстанчества.

Ключевые слова и фразы: крестьянское движение; крестьянские восстания; повстанчество; власть; причины; историография; идеология; источники; «архивная революция»; Гражданская война.

Вячеслав Геннадьевич Гришаков

Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории
Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского
history71@mail.ru

«СМЕНА ВЕХ» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ©

Радикальные перемены в советском обществе в годы «горбачевской перестройки» (1985-1991) ознаменовали собой новый этап в развитии историографии проблемы крестьянского движения в России в годы

Гражданской войны. Его характеризует ряд принципиальных моментов. Во-первых, это смена методологии и теоретической основы исследований, во-вторых, «архивная революция» – появление у историков доступа к ранее закрытым архивным источникам. На практике для исследователей произошедшие перемены означали ликвидацию идеологического диктата государственной власти и возможность свободно работать с основными источниками по указанной теме [14; 15, с. 87; 16].

Новая эпоха привела к резкой смене устоявшихся методологических принципов, государственной идеологии. Издержками перемен стало стремление ряда исследователей сменить устоявшиеся оценки в историографии, руководствуясь исключительно идеологическими мотивами, а не новыми знаниями об изучаемой проблеме.

Очень ярко это проявилось в смене терминологии. Если в предшествующий период исследователи называли крестьянские восстания против власти большевиков «контрреволюционными», «кулацкими», организованными «эсерами» и «белыми шпионами», «формой политического бандитизма», то в новых условиях при их оценке они уже находили новые слова – «народное сопротивление социализму», «народное повстанчество», «крестьянская политическая оппозиция» и др. [2, с. 17, 19, 24; 11, с. 4; 12, с. 15]. Крайности в переоценке сложившихся в советское время стереотипов проявились в пересмотре социального состава повстанцев. На смену прежней идеологии о «повстанцах-кулаках» пришла новая, совершенно необоснованная – о полном отсутствии кулацкого элемента в крестьянских повстанческих отрядах. Дело дошло до того, что некоторыми историками был поставлен под сомнение сам факт существования кулака в дореволюционной русской деревне [1].

В постсоветское время в историографии проблемы стала просматриваться явная идеализация крестьянского повстанчества. Её красноречивым свидетельством стала «забывчивость» некоторыми из исследователей фактов насилия со стороны повстанцев над активистами Советской власти в ходе восстаний. Теперь бывшие «бандиты» все поголовно объявлялись «Робин Гудами» [22, с. 63]. Стало «модным» менять парадигму, убеждения, прежние оценки, в том числе касающиеся крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны. Для большинства исследователей советской истории, занятых изучением её трагических страниц, к числу которых относится и рассматриваемая тема, новой методологией и идеологией стал антикоммунизм. Плюсы изменились на минусы, старые герои превратились в злодеев и наоборот.

На практике в отечественной историографии стала распространяться и даже насаждаться уже давно существующая в литературе концепция Гражданской войны глазами белой эмиграции и политических противников большевиков [Там же, с. 122]. Проще говоря, ряд исследователей взяли на вооружение идеи и термины «проигравшей стороны», сменив таким образом одни мифологемы на другие. При этом самым большим недостатком их работ стала слабая источниковая база и использование методов советской историографии (*худших её образцов* – В. Г.) по подбору, «подтасовке фактов» в нужном идеологическом ключе.

Большинство российских историков «нового поколения» однозначно охарактеризовали крестьянские восстания периода Гражданской войны против большевистской власти как «антикоммунистические». Этот термин стал господствующим в историографии и переключивался из одной публикации в другую. Особенно он «прижился» в трудах сибирских историков, посвященных Западно-Сибирскому восстанию 1921 года. Например, В. В. Московкин оценил его как «крупнейшее антикоммунистическое выступление периода становления Советского государства». При этом он без всяких на то документальных оснований персонализирует ответственность большевистской власти за его начало и видит главную причину недовольства сибирских крестьян ею в «ленинской политике военного коммунизма» [23, с. 63].

В этом же ключе выводы и Н. К. Метельского, но уже на материалах уральской деревни. Причины антикрестьянской политики большевиков в годы Гражданской войны он находит прежде всего в «учении социализма». Именно оно, по его мнению, и породило большевистскую продразверстку [21, с. 16].

Антикоммунизм как главная причина крестьянского повстанчества в России в рассматриваемый период просматривается и в ряде других работ. Особенно он характерен для публикаций В. П. Попова, который причиной «непримиримой борьбы между новой властью и крестьянством» называет «глобальные планы марксистов-утопистов». Последние в лице большевиков якобы использовали русский народ в качестве «подручного материала» для «закваски мировой революции» [26].

В подобном ракурсе рассуждают и другие исследователи, для которых «антикоммунистическая направленность» крестьянского движения в годы Гражданской войны уже аксиома [20, с. 92].

Если одни современные исследователи превращают крестьян в антикоммунистов, то есть «сознательных борцов против идеологии и практики коммунизма – большевизма», то другие отводят им роль малосознательных и политически безграмотных элементов, не знавших, что они творят, когда поднимали свои восстания против власти. Ими двигали самые обычные инстинкты самосохранения, нежелания нести государственные тяготы и т.д. То есть крестьянское движение в годы Гражданской войны объяснялось с позиций социальной психологии, весьма популярного направления в современной российской исторической науке [13, с. 45].

На эту тему следует выделить в первую очередь работы В. П. Булдакова [3, с. 11-36]. В них он утверждает, что крестьяне оказались в состоянии «сильнейшей ценностной дезориентированности от наступившего, как им показалось после Февраля, безвластия». По этой причине они впали в крайность и осуществили явочным путем в деревне «черный передел» земли. В результате, нарушив законность, они оказались в состоянии войны против всех – «государства, помещиков, хуторян, отрубников, членов других общин, новообразовавшихся из бывших рабочих и деревенской гольтыбы, наконец, города в целом». Этой ситуацией воспользовались большевики. Они столкнули «чернопредельское движение со стихийными набегами

оголодавших солдат и вооруженных рабочих на деревню» и добились, таким образом, усмирения «первой волны полууголовной продотрядовщины» и внедрения «в крестьянскую стихию комбедов и коммун как раз к началу полевых работ 1918 года» [Там же, с. 105, 108, 112]. В. П. Булдаков заключает, что огульным требованием «черного передела» в ситуации «без царя» крестьяне ощутили себя «солью земли» и стали навязывать свой взгляд на мир всем остальным, не задумываясь о «психосоциальной природе других классов» [Там же, с. 105-107]. Ответной реакцией общества на такое «эгоистичное» и «нерациональное» поведение крестьян стало государственное насилие над деревней со стороны власти, какой бы она ни была (красной или белой). В конечном итоге В. П. Булдаков считает крестьянскую революцию проявлением симптома «стадной ярости крестьян», их «умопомрачением» от безвластия [Там же, с. 113, 118].

В пренебрежительном тоне о крестьянах, их «эгоизме» и политической безграмотности в годы Гражданской войны пишет ещё один современный исследователь С. А. Павлюченков. В частности, он объясняет причину крестьянского повстанчества в рассматриваемый период эгоизмом крестьян, отказавшихся от выполнения своих обязанностей по отношению ко всему обществу и спровоцировавших таким образом его ответную реакцию. Например, причину поражения восстания дивизии Сапожкова в Поволжье он увидел в том, что «поволжский мужичок занял осторожную позицию, стремясь столкнуть лбами сапожковцев с продовольственниками, чтобы отделаться и от тех и от других» [25, с. 256-257]. На наш взгляд, подобные суждения автора связаны с его недостаточной осведомленностью об истинных причинах крестьянского движения, поскольку он не изучил эту проблему по достоверным и разнообразным источникам в центральных и региональных архивах.

Более взвешенную оценку крестьянской психологии в годы Гражданской войны даёт в своих работах В. В. Кабанов. На наш взгляд, он аргументированно утверждает, что у российских крестьян под влиянием войн и революций сформировался отрицательный опыт, который испортил их. Именно он вызвал к жизни эксцессы насилия во время массовых выступлений в годы Гражданской войны как с той, так и другой стороны. Например, по мнению Кабанова, благодаря этому «опыту» крестьянство выдвинуло из своих рядов так называемых «комбедовцев», воспринявших идеи большевизма и ставших их активными проводниками в деревне. Он справедливо считал, что власть большевиков над «обиженным и разоренным крестьянством» держалась не только на насилии и страхе деревни, но и благодаря «умелой политике» ее раскола, опоры на этих самых «могильщиков», во многом и обеспечивших установление этой власти «над самым многочисленным слоем населения России» [12, с. 116, 118]. То есть В. В. Кабанов, в отличие от В. П. Булдакова, увидел истоки противостояния крестьян большевистской власти в объективных условиях повседневной жизни деревни.

Наряду с явными новациями теоретического характера в современной историографии проблемы сохранились и прежние подходы, ведущие свою традицию со сталинских времен, как будто бы в России ничего не изменилось. Речь идет о публикациях ряда исследователей, упорно не желающих менять свои оценки по идеологическим мотивам, считая политические убеждения важнее исторической истины.

Типичными из них являются А. В. Булкин и Г. В. Яшина, продолжающие говорить о крестьянском движении в Поволжье в годы Гражданской войны терминами «политический бандитизм», «антисоветское движение» и т.д. [4, с. 21-22]. Например, А. В. Медведев в своих публикациях просто воспроизводит пропагандистские заявления большевиков о том, что «недовольство крестьян разжигалось правыми эсерами при помощи лжи, клеветы, провокаций», результатом чего и стали крестьянские «антисоветские» «кулацкие восстания» [20, с. 17, 280, 281, 379, 457-458, 462].

Но их работами не исчерпывается современный этап в развитии историографии проблемы. Наряду с «идеологическими флюгерами» в ней активно присутствуют и другие исследователи, придерживающиеся более взвешенной позиции по ключевым её аспектам, в том числе методологическим, пытающиеся сказать о ней «новое слово».

Попыткой сбалансированного подхода к проблеме крестьянских восстаний в России в годы Гражданской войны можно считать, на наш взгляд, публикации Т. В. Осиповой [24, с. 90-161]. На основе использования значительного комплекса источников она проанализировала ход основных крестьянских выступлений на территории Советской России, включая Поволжье, в 1918-1921 гг. Автор поддержала идею советских исследователей периода НЭПа о крестьянских восстаниях как органической части Гражданской войны.

Очень важной проблемой, поднятой Т. В. Осиповой применительно к рассматриваемой в диссертации теме, стали вопросы терминологии крестьянских восстаний в условиях Советской власти. Она выступила против их определения как «кулацких» и направленных против Советской власти как таковой [Там же, с. 91-95]. Т. В. Осипова особо выделяет 1920 год как решающий год крестьянского повстанчества, когда оно стало организованнее, у крестьян появились авторитетные руководители, стали широко применяться партизанские методы борьбы, выдвигаться политические требования. В итоге крестьянское движение крестьянства «заставило Советскую власть отказаться от социального эксперимента в деревне» [Там же, с. 141, 149, 153].

Серьезный анализ крестьянских выступлений на Северо-Западе Советской России в годы Гражданской войны проведен С. В. Яровым [30, с. 134-159]. Он не пошел по «модному пути» навешивания на крестьян антикоммунистического ярлыка, а предложил свою терминологию, основанную на глубоком и всестороннем изучении архивных источников. В частности, им предложена следующая классификация крестьянских выступлений: «неоконченные» выступления, «хаотичные» волнения, «митинговые» волнения, дезертирские восстания. Автор уделит внимание таким аспектам проблемы, как программа и тактика волнения, его инициаторы и участники, подавление, расправа, суд, общее и особенное [30].

Очень важный вывод теоретического значения по рассматриваемой проблеме был сделан в трудах Г. Ф. Доброноженко. Обратившись к истории северного крестьянства в начальный период НЭПа, она заключила, что на отношение крестьян к большевикам, в том числе в ходе крестьянских восстаний, всегда влияла ситуация на фронтах Гражданской войны [8, с. 5]. Этот вывод будет подтвержден в материалах международных проектов по аграрной истории России первой половины XX века В. П. Данилова [5; 6; 7] и в трудах его последователей – В. В. Кондрашина, Д. А. Сафонова, О. А. Суховой, Е. Н. Кананеровой и других.

Заметный вклад в разработку проблемы крестьянского движения в годы Гражданской войны на региональном уровне внесла тамбовская группа историков-аграрников. Под руководством В. П. Данилова в рамках проекта «Крестьянская революция в России» ими был подготовлен к печати сборник документов по истории «антоновщины», отвечающий самым высоким научным требованиям [17]. В многочисленных статьях С. А. Есикова, В. В. Канищева, В. Л. Дьячкова, Л. Г. Протасова, Ю. В. Мещерякова, В. В. Самошкина и др. дана развернутая характеристика причин, хода и результатов одного из самых мощных в годы Гражданской войны крестьянских восстаний [10]. Тамбовскими историками был введен в оборот большой массив источников, показывающих крестьянскую позицию в событиях 1919-1921 гг. (возвращения антоновцев, программа и устав Союза трудового крестьянства и т.д.). Впервые дана взвешенная и аргументированная характеристика личностей руководителей движения, в том числе А. С. Антонова [28, с. 66-76]. В результате всестороннего изучения источников тамбовские исследователи пришли к важному выводу, имеющему историографическое значение, о непричастности к организации антоновского восстания руководства партии эсеров. Таким образом, на примере одного из самых крупных крестьянских восстаний периода Гражданской войны был развеян один из основных мифов прежней историографии.

Новый период в отечественной историографии проблемы характеризовался не только сменой теоретико-методологической основы, но и формированием принципиально другой источниковой базы. «Архивная революция» в России в начале 1990-х гг. широко открыла двери архивов российским исследователям, в том числе изучавшим историю крестьянства в годы Гражданской войны. Её результатом стало введение в научный оборот огромного комплекса ранее недоступных исследователям источников, позволивших по-новому взглянуть на крестьянское повстанческое движение в указанный период. По сути дела, начался настоящий бум публикаций документов из центральных и местных архивов по ранее запретным темам советской истории. И среди них тема крестьянского повстанчества в России в Гражданской войне прозвучала достаточно громко. Об этом свидетельствовали увидевшие свет в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг. многочисленные сборники документов и авторские публикации, сделанные на их основе.

Так, например, активная публикация архивных документов по истории крестьянского движения в 1919-1921 гг. в Западной Сибири началась В. И. Шишкиным. Он подготовил и опубликовал ряд сборников документов по истории Западно-Сибирского (Тюменского) восстания. В них была воссоздана его целостная картина [29, с. 47]. В то же время автор назвал восстание западносибирских крестьян «Сибирской Вандеей» по аналогии с движением французских крестьян эпохи Великой Французской буржуазной революции. По мнению ряда историков, такой термин был выбран В. И. Шишкиным не совсем удачно, поскольку во Франции в указанный период вандейские крестьяне восстали под монархическими лозунгами, а сибирские же крестьяне их не выдвинули. Они не выступили за возвращение дореволюционных порядков в Сибири [Там же, с. 38].

Применительно к крестьянскому движению в регионах в рассматриваемый период следует отметить документальные подборки и комментарии о событиях в Самарском крае в период революции 1917 г. и Гражданской войны, подготовленные П. С. Кабытовым, Н. Н. Кабытовой, Н. А. Курсковым и А. Б. Щелковым [27]. Среди них наибольший интерес представляют материалы о деятельности Комуча в области аграрной политики, «Чапанном восстании», мятеже Сапожкова, вилочном восстании [Там же, с. 64-137, 146-149, 169-196, 204-207, 212-225]. Данные документы свидетельствуют о политической самостоятельности крестьянства в революции и Гражданской войне, их стремлении отстаивать свои коренные интересы, среди которых главными были земельный вопрос и продовольственное обеспечение.

Техническим новшеством более оперативного введения в научный оборот новых архивных документов стала в 1990-е гг. такая форма изложения материала, как хроника. Появилось несколько хроник на тему крестьянского движения в России в годы Гражданской войны, содержащих ранее не известную исследователям информацию (о масштабах крестьянского движения, его лозунгах и т.д.) [9; 18].

Крах Советского Союза заставил историков поторопиться с самоопределением. В постсоветском обществе, по мнению Д. И. Люкшина, продолжается методологический ажиотаж, обусловленный стремлением сохранить статусные позиции и перспективы профессиональной деятельности [19, с. 30-31].

Таким образом, на рубеже XX-XXI веков изменениями кардинального характера в историографии проблемы стали, во-первых, активный поиск новых теоретико-методологических подходов, во-вторых, серьезное расширение её источниковой базы. Обе новации имели свои издержки, главной из которых была новая идеологизация с обратным знаком («коммунизм» на «антикоммунизм»). Но они не подменяли очевидных плюсов и достижений, главным из которых, на наш взгляд, была подвижническая деятельность группы историков-аграрников и архивистов, объединившихся в рамках крупнейших международных проектов по истории советского крестьянства первой половины XX в., организованных выдающимся российским ученым В. П. Даниловым.

Список литературы

1. **Анфимов А. М., Вылцан М. А.** Российский кулак: реальная фигура или идеологический миф? // Новые страницы истории Отечества: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1992. С. 117-123.
2. **Бернштам М.** Стороны в Гражданской войне 1917-1922 гг.: проблематика, методология, статистика. М., 1992. 312 с.
3. **Булдаков В. П.** Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
4. **Булкин А. В., Яшина Г. В.** Антоновщина в Пензенском крае в 1921 году: военный и политический аспект // Россия – век XX: итоги и проблемы: материалы межвузовской научной конференции (Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Беллинского, 16-17 апреля 1998 г.). Пенза, 1998. С. 21-24.
5. **Данилов В. П.** Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М.: Издательская группа «Прогресс»; Прогресс – Академия, 1992. С. 310-321.
6. **Данилов В. П.** Аграрные реформы и крестьянство России: 1861-1994 гг. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: Изд-во МГПУ им. В. И. Ленина, 1995. С. 3-23.
7. **Данилов В. П.** Крестьянская революция в России: 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. / Тамб. гос. техн. ун-т; Моск. высш. шк. соц. и экон. наук. М. – Тамбов, 1996. С. 4-23.
8. **Доброноженко Г. Ф.** ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства 1921-1927 гг. (по материалам информационных сводок ЧК-ОГПУ). Сыктывкар, 1995. 238 с.
9. **Доржиев Д. Л.** Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20-30-е годы: хроника языком документов. Улан-Удэ, 1993. 282 с.
10. **Есиков С. А., Протасов Л. Г.** «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 32-49.
11. **Ильин Ю. А.** Советская власть и крестьянство верхнего Поволжья в деле строительства Красной Армии: лето 1918-1920 гг. // Крестьянство и власть в России: 1917-1994: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994. С. 15-23.
12. **Кабанов В. В.** Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 116-121.
13. **Кознова И. Е.** Прошлое как мобилизующий фактор крестьянского движения в 1919-1922 гг. // Самарский земский сборник. 2006. № 1-2 (13-14). С. 40-68.
14. **Кондрашин В. В.** Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма: монография. Серия «История сталинизма». М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 375 с.
15. **Кондрашин В. В.** Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения: тезисы докладов Всероссийской научной конференции 26-27 июня 2000 г. Пенза, 2000. С. 85-91.
16. **Кондрашин В. В.** Современная отечественная и зарубежная историография крестьянского движения в Поволжье в 1917-22 гг. // Историк и история в меняющемся мире: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ефрема Игнатьевича Медведева (г. Самара, 28-29 марта 2003 г.). Самара: СПГУ, 2003. С. 34-50.
17. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»):** документы и материалы. Тамбов, 1994. 450 с.
18. **Лагунов К. Я.** Двадцать первый: хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. 283 с.
19. **Люкшин Д. И.** Вторая русская смута: крестьянское измерение. Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2006. 144 с.
20. **Медведев А. В.** Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы Гражданской войны: октябрь 1917-1920 гг. Ульяновск, 1998. 522 с.
21. **Метельский Н. К.** Деревня Урала в условиях военного коммунизма: 1919-1921 гг. Свердловск, 1991. 216 с.
22. **Моисеев Ю.** Симбирский Робин Гуд // Симбирский курьер. 1991. № 54. С. 23-41.
23. **Московкин В. В.** Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46-64.
24. **Осипова Т. В.** Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 90-161.
25. **Павлюченков С. А.** Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. 299 с.
26. **Попов В.** Хлеб под большевиками // Новый мир. 1997. № 8. С. 34-43.
27. **Самарское Поволжье в XX веке:** документы и материалы. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. 512 с.
28. **Самошкин В. В.** Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66-76.
29. **Шишкин В. И.** Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 219 с.
30. **Яров С. В.** Крестьянин как политик: крестьянство северо-запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 168 с.

**“MARKERS CHANGE” IN MODERN NATIVE HISTORIOGRAPHY OF PEASANT
MOVEMENT DURING CIVIL WAR**

Vyacheslav Gennad'evich Grishakov

*Department of Native History and History Teaching Technique
Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskii
history71@mail.ru*

The article reveals the questions of the search of the new methodology and estimations of peasant movement during Civil War in the works of native historians of post-soviet time. The author characterizes the pluses and minuses of “archival revolution” and state ideology change and pays basic attention to the transformation of native historians' views on the terminology and reasons of peasant rebellion.

Key words and phrases: peasant movement; peasant revolts; rebellion; power; reasons; historiography; ideology; sources; “archival revolution”; Civil War.